

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТАЛ

О ПСИХОДИНАМИКЕ ВЛЕЧЕНИЯ СПЛОЧЕНИЯ-РАЗДЕЛЕНИЯ

Л. КОВАРСКИС

Финская психоаналитическая ассоциация, Хельсинки, Финляндия;
Московский институт психоанализа, Москва, Россия

Автор предлагает рассматривать процессы конфликта больших групп в парадигме биологически запрограммированного влечения, которое он называет влечением сплочения-разделения. Этот драйв управляет механизмами, ответственными за сплоченность, дезинтеграцию и вражду между группами. В психической жизни индивида различные проявления драйва сплочения-разделения отчётливо различимы как поведенческие, когнитивные и эмоциональные реакции. В психоаналитическом сеттинге смена полярности сплочения на полярность разделения проявляется в замирании, потере эмпатии, сужении сознания и ограничении мышления у обоих участников. Автор подробно описывает соответствующую психодинамику. Опираясь на данные нейрофизиологии и социоантропологии, он предполагает, что в основе биопсихологического субстрата полюса сплочения лежит механизм ранней привязанности, а в основе полюса разделения — механизмы агрессии, в частности холодной агрессии. Автор эпистемологически объединяет эти противоположные влечения в одно, поскольку только их совокупность отражает «рациональную» (телеологическую) цель — отбор групп в процессе Эволюции. В то же время выбор откровенно антропоцентрической позиции делает эпистемологию инстинктов не только научно, но и этически обоснованной.

Ключевые слова: влечение сплочения-разделения, конфликт больших групп, холодная агрессия, психодинамика.

Для цитаты: Коварскис Л. О психодинамике влечения сплочения-разделения // Познание и переживание. 2024. — Т. 5. — № 1. — С. 71-84. doi: 10.51217/cogexp_2024_05_01_05.

Для контактов: Л. Коварскис, leo.kovarskis@gmail.com

ABOUT THE PSYCHODYNAMICS OF ATTRACTION COHESION-SEPARATION

LEVAS KOVARSKIS

Finnish Psychoanalytic Association, Helsinki, Finland;
Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia

Author proposes to consider the processes of large group conflict in the paradigm of biologically programmed drive, which he calls the cohesive-divisive drive. This drive governs

Познание и переживание. 2024. Т. 5. № 1. С. 71–84.
doi: 10.51217/cogexp_2024_05_01_05

ISSN: 2782-2168 (Print)
ISSN: 2782-2176 (Online)

the mechanisms responsible for group cohesiveness, disintegration and enmity between groups. In a mental life of an individual, various manifestations of cohesive-divisive drive can be clearly observed as behavioral, cognitive, and emotional reactions. In psychoanalytic setting, the change from the polarity of cohesiveness to the polarity of divisiveness is manifested by freezing, loss of empathy, narrowing of consciousness, and restricted thinking in both participants. Author describes in detail the corresponding psychodynamics. Based on the data of neurophysiology and socio-anthropology, he suggests that the bio-psychological substrate of a cohesive pole is based on a mechanism of early attachment, while the divisive pole is rooted in mechanisms of aggression, specifically cold aggression. Author epistemologically unites these opposite trends of human activity into one drive, since only taken together they reflect “rational” (teleological) purpose – the selection of groups in the process of Evolution. At the same time, the choice of an overtly anthropocentric standpoint provides clear ethical basis to the epistemology of instincts, which must be both scientific and human at the same time.

Keywords: cohesive-divisive drive, large group conflict, cold aggression, psychodynamics.

For citation: *Kovarskis L.* About the psychodynamics of attraction cohesion-separation // *Poznanie i perezivanie [Cognition and Experience]*. 2024. – V. 5. – № 1. – P. 71–84. doi: 10.51217/cogexp_2024_05_01_05 (in Russ.).

Corresponding author: Levas Kovarskis, leo.kovarskis@gmail.com

ВЛЕЧЕНИЕ СПЛОЧЕНИЯ-РАЗДЕЛЕНИЯ НА СЛУЖБЕ ЭВОЛЮЦИИ

Глобализация сталкивает нас с волнами массовой миграции, обычным явлением в истории человечества. Однако массовые миграции очень часто означали также массовое уничтожение групп людей, а порой целых народов, рас или даже видов. На этот раз цивилизованное мировое сообщество считает такое «решение вопроса» неприемлемым и ищет мирные способы в рамках современной демократии. Современная наука пока не может предложить конкретных способов решения групповых конфликтов, поэтому необходимо накапливать знания и пробовать новые, интегрирующие эти знания парадигмы. Нам нужна работающая полезная теория, объединяющая биологию человека с его психологией и общественным устройством. По сути дела, психоанализ и является такой теорией. Однако если жестокость в контексте межгруппового поведения уже давно исследуется нейрофизиологией и социальной психологией, то психоанализ до сих пор мало что мог сказать об интрапсихической составляющей перехода с «нормальных» к «геноцидным» состояниям. Отчасти это объясняется тем, что в психоаналитическом сеттинге этот сдвиг происходит редко, но, даже когда он происходит, нам не хватает парадигмы, которая позволила бы психоаналитику обнаружить сдвиг в материале своих пациентов и в собственных чувствах.

Исходя из вышесказанного, я предлагаю парадигму влечения сплочения-разделения, которая объединяет эмпирическую, нейрофизиологическую,

социопсихологическую точки зрения, причем интегрирует данные этих наук психоаналитическая метапсихология¹. Концептуализация вышеупомянутого влечения основана на клинических наблюдениях в психотерапевтической и психоаналитической практике. Хотя теория, обобщающая эти наблюдения и данные других наук, спекулятивна, однако, она придает смысл многим явлениям, которые пока казались между собой несвязанными, не были понятны. Главной особенностью влечения сплочения-разделения является его биполярность. Включаясь, каждый полюс запускает ряд эмоциональных и когнитивных механизмов, взаимосвязи которых, по-видимому, обусловлены нейрофизиологией (Varnum, 2015, p.122-130; Contreras-Huerta, 2013). Эти эмоционально-когнитивные механизмы создают специфический, распознаваемый психодинамический паттерн личного переживания и межличностных взаимоотношений, в терминах автора – матрицу полюса. Влечение это может в одно мгновение переключить матрицу человеческого общения с дружеской на враждебную, и наоборот. Думая о биологическом субстрате биполярного влечения, исходя из данных литературы, можно предположить, что альтернативно включаются и отключаются нейрофизиологические системы, связанные с привязанностью и агрессией, в частности, с холодной агрессией.

Можно также предположить, что эволюционная цель этого влечения заключается в создании групп, отличающихся не только генетически и фенотипически, но и в способах своей организации. Поскольку за организацией группы стоит ее эпистема (Foucault, 1970), то речь идет об организации знания, духовном складе группового восприятия мира. Эволюция, как бы, «ищет», какая группа в данное время (историческая эпоха) и в данном месте (география) интерпретирует реальность более правильно, и выбирает более действенные способы воздействия на нее (которая из групп лучше выживет и размножится, чья идентичность будет на данный момент более жизнеспособна). Эпистемный отбор требует меньше материальных затрат и может проходить гораздо быстрее.

Если идентичность становится критерием эволюционного отбора, то понятно, что даже незначительные символические различия, резко увеличенные групповой динамикой, могут стать критерием эволюционного отбора. Иными словами, влечение сплочения-разделения, усиливая динамику «ин» и «аут-групп» (так это называется в социальной- и нейропсихологии), направлено на обострение соперничества, но самое главное – оно использует психические и биологические средства для *переноса эволюционного отбора из мира материи и организмов в мир символов и идей*.

---

¹ Я должен вскользь заметить, что, на мой взгляд, психоанализ – это не наука в строгом смысле слова, а очень широкое и проработанное мировоззрение – Weltanschauung, которое уже изменило взгляд человечества на мир и себя самое и продолжает его менять. Его антропоцентризм, внимание к интрапсихическим процессам и эмпирико-экзистенциально-гуманистическая перспектива – это, по сути, позиция гуссерлевского Lebenswelt (1).

КЛИНИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ – СДВИГ МЕЖДУ СОСТОЯНИЯМИ «СПЛОЧЕНИЯ» И «РАЗДЕЛЕНИЯ» В КОНТРПЕРЕНОСЕ

В последние десятилетия мне, как и многим другим, пришлось много работать с пациентами, оказавшимися в жизненной ситуации, которую определяет межгрупповой конфликт. Работая с людьми, выросшими в чужой культуре, исповедующими чуждую ему религию, или теми, чья половая ориентация ему совершенно чужда, в момент, когда его пациенты описывают свои ощущения, мысли, чувства и взгляды, связанные именно с ему чуждым отношением к чему-то, психоаналитик не может не удивляться своим реакциям. Первая реакция – это (обычно) удивление: «Как он может так чувствовать и думать?», за которым почти мгновенно следует эмоциональная и когнитивная дезориентация: «А как правильно, как нужно чувствовать и думать?». При этом важно, что в этот момент опыт, мысли, чувства и поведение пациента ощущаются психоаналитиком как психологически непонятные. Действительно, вслед за удивлением и дезориентацией наступает очень странное состояние, которое лучше всего определяет слово «замирание»². Психоаналитик замирает как физически, так и умственно.

Замирание – сложное явление. Оно проявляется непосредственным чувством замирания – неспособностью и нежеланием чувствовать, думать и общаться. Ему сопутствуют безразличие, а порой и отвращение, отчетливое ощущение внутреннего сопротивления стремлению понять пациента, и удержание собственного внимания на нем и его психической деятельности затруднено. Любопытно, что тоже самое слово *freezing* нейрофизиологи используют для описания поведения животного, ставшего объектом холодной агрессии другого животного (Solms, Turnbull, 2002). Не менее любопытно и то, что психологи, изучающие раннюю привязанность, называют тем же словом поведение ребенка, ставшего жертвой насилия взрослого (Crittenden, 1988, p. 585-599).

Если ему удастся преодолеть свое замирание и спросить пациента, что тот чувствует, пациент обычно отвечает, что не чувствует ничего. Психоаналитик, который пытается продолжать анализировать пациента и себя самого, не может не заметить, что сам он парализован, растерян и не знает, что делать. Он потерял способность следить за сознанием пациента, думать о его чувствах, мыслях и взаимосвязях между ними – думать о содержании его психики. В парадигме В. Биона +К превратилось в -К (Bion, 1962; Bion, 1977). Психоаналитик чувствует себя настороженным, как будто находится под угрозой. Это не все: если в этот момент вслушаться в себя, то нетрудно заметить, что тотальность собственной невосприимчивости к пациенту, полное отсутствие «обычного» чувствами насыщенного контрпереноса сопровождается странным чувством облегчения. Это чувство, по-видимому, связано с тем, что исчезает не только сама эмпатия, но и обязанность эмпатизировать – ни общечеловеческое,

---

² Британский психоаналитик Факхри Дэвидс, описывая в беседе свое чувство в момент, когда он и его пациент осознали, что они могут принадлежать к конфликтующим группам, использовал слово «freezing» - заморозить, застыть. Это слово прекрасно определяет психическое состояние в тот момент, когда люди обнаруживают, что возможно принадлежат враждующим группам.

ни профессиональное «Суперэго» не требуют думать о пациенте и стараться его понять. Замечая в себе такое противоречащее профессионализму отношение, психоаналитик обычно пытается вернуть эмпатию сознательным усилием воли, но замечает, что вчувствоваться в пациента ему трудно, как трудно и удерживать внимание на его душевном состоянии и мыслях.

Желая выйти из тупика и восстановить психоаналитическое взаимоотношение, психоаналитик начинает искать причину такого своего состояния. Он может думать, скажем, в парадигме проективной идентификации М. Кляйн (Klein, 1946; Spillius, 2011) — что именно в бессознательном пациента может проявляться таким безразличием в его (психоаналитика) сознании. Или в парадигме В. Биона — что в нем самом и его взаимодействии с пациентом останавливает его реверси и не позволяет воспринимать коммуникацию (Bion, 1965). В этот момент нелегко заметить (потому что это противоречит основной психоаналитической установке — искать в бессознательном), что причина такого бесчувственного состояния аналитика находится не в бессознательном, а, напротив, в сознании и только что была вербализована: пациент рассказал или упомянул о своих осознанных чувствах и взглядах, противоречащих взглядам аналитика. Психодинамически, осознанное и спокойное отношение означает, что «Суперэго» пациента поддерживает описываемые пациентом чувства и отношение к чему-то. Эта открытая поддержка «Суперэго» в свою очередь означает, что за только что высказанными взглядами и чувствами стоит и поддержка группы. Иными словами, психоаналитик сталкивается с ситуацией, когда он один против группы — чужой и посторонний. Возможно, его и пациента группы между собой враждуют, тогда он не просто чужой, он враг. Похожее ощущение возникает при слушании пациента, открыто рассказывающего психоаналитику о своей перверсии, особенно именно эта форма сексуального возбуждения психоаналитику совершенно чужда, т.е. вытеснена, и он считает ее неприемлемой.

Можно думать, что осознание себя в ситуации борьбы враждующих групп само собой объясняет недостаток эмпатии и осторожность высказывания. Однако последовательность смены чувств и особенности когниции говорят об обратном. Вслед за первой реакцией застывания приходит чувство безразличия. Пропадает эмпатия, и ее очень трудно вернуть сознательным усилием. Эмпатия призвана служить ментализации, облегчать перевод β -элементов в α -элементы и таким образом способствовать контейнированию сознания (Bion, 1962). Однако с включением матрицы разделения меняются цель ментализации и цель последующего сознательного процессирования. В описываемом промежуточном состоянии вместе с прекращением эмпатии ментализация останавливается, а вместе с ней — и сознательное мышление. Причина такой динамики заключается не только и не столько в страхе, а в том, что, обнаружив, что они с пациентом принадлежат к враждующим группам, в психоаналитике (и его пациенте, если и он это переживает) происходит смена полярности инстинкта сплочения-разделения с полярности сплочения на полярность разделения, и с этого момента они больше не воспринимают друг друга, как людей, они становятся друг для друга

«не-людьми»³. Они лишь «умом» понимают, что этот другой «тоже человек такой же, как я», но их чувства и бессознательная когниция говорят им об обратном.

Этот эмоционально-когнитивный комплекс настолько противоречит нашей профессиональной идентичности, что мы склонны не додумывать до конца его значения. А суть его, в общем, проста, только до сих пор редко встречалась в психоаналитическом сеттинге. Дегуманизация. Психоаналитик не может относиться к этому пациенту так, как он обычно относится к пациентам потому, что на бессознательном уровне пациент больше не является для него таким же человеком, как он сам. Поэтому исчезают и профессиональные обязанности — мы можем анализировать только людей, существ таких же, как мы сами, но не животных и не инопланетян⁴ (Panksepp, 2013), с которыми невозможна идентификационная эмпатия.

ПСИХОДИНАМИКА ПОЛЮСА СПЛОЧЕНИЯ – РАННЯЯ ПРИВЯЗАННОСТЬ

Я описал контрперенос в ситуации сдвига полярности с положительной на отрицательную, а теперь выскажу некоторые соображения о психодинамике, которая стоит за таким переносом.

В своей пред- и бессознательной коммуникации мы постоянно обмениваемся значениями. Хотим мы того или нет, мы выражаем свое понимание ситуации, себя самого и другого, отношение к людям и миру. Никакая вежливость, никакой этикет не могут полностью скрыть оттенки наших чувств и наши мысли, которые не только выдают нашу эпистемную принадлежность, но и организацию наших влечений — ранней привязанности, Либида, нарциссизма, агрессии и других⁵. Пока отношения между людьми хорошие и они принадлежат общей эпистеме (пользуясь терминологией этой статьи, общение происходит в матрице сплочения), люди обычно бессознательно верят, что они знают, что другой испытывает, и поэтому могут оправданно предполагать, что другой имеет в виду, как оценивает ситуацию и как собирается поступить. Другой человек отчасти идентифицируется с такой положительной проекцией, а если нет, то спешит информировать автора проекции, как можно в благожелательном ключе объяснить ошибку проекции или невозможность идентификации. Такая динамика дает вполне рациональное основание для вышеупомянутой веры в доброжелательность и веры в правильность своего понимания другого и своих предсказаний. Ментализация зиждется на постоянно бессознательно создаваемой реципрокной реальности и полезна, потому что реалистично информирует

³ Эти интроспективные наблюдения являются не только моими личными. В иных выражениях их суть передавались мне моими супервизантами и врачами Балинтовской группы, которую я вёл на протяжении нескольких лет.

⁴ Как я пытаюсь показать в этой статье, наша эмпатия зиждется на идентификации, а идентификация в немалой степени — на эпистеме (форме знаний и знаковой системе). Все же необходимо помнить, что форма знания берет свое начало в восприятии, а восприятие в большой степени обусловлено анатомией и физиологией. Отсылая читателя к статье Яак и Джуль Панксепп, я замечу вскользь, что рыбаку, насаживающему на крючок червя, и без научных исследований понятно из контекста и телодвижений червя, что червяк испытывает. Однако, мало кто с червяком идентифицируется.

⁵ Я не говорю здесь о людях, специально тренированных — дипломатах, шпионах и принадлежащих международной культуральной элите.

о мышлении, чувствах и намерениях другого человека, позволяя прогнозировать его поведение. Пока общение происходит в матрице сплочения, то, выражаясь словарем Винникотта: «Мать можно найти там, где ее ожидаешь» (Winnicott, 1965). Вряд ли будет ошибкой сказать, что вся психодинамика положительной матрицы в принципе основана на влечении ранней привязанности. Однако ее конкретные черты определяются и, возможно, еще лучше могут быть описаны в парадигмах депрессивной фазы М. Кляйн (Klein, 1952) и сепарации-индивидуации М. Малер (фаза стабильности внешнего объекта) (Mahler, 1963)⁶.

В собственной культуре мы распознаем людей и читаем ситуации по множеству различных знаков – одежда, черты лица и фигура, внешность, поведение, язык, особенности экспрессии, и др. Некоторые из этих признаков являются следствием биологической истории (черты лица и склад тела), другие – исторического развития субкультуры (одежда), еще другие, такие как особенности экспрессии (жестикаляция и выражение лица) могут принадлежать более широкому культурному наследию. В целом речь идет об очень сложной, многоуровневой знаковой системе, помимо прочего информирующей о том, общаюсь ли я со «своим» или «чужим» (Rifat, 1993). Это делает проекцию и прогноз вполне оправданными.

Разделение на своих и чужих не всегда четко осознанно и необязательно остро ощущается. Если чужой не воспринимается как «враг», то он может восприниматься, как «хороший чужой» с немалой долей защитного механизма, называемого реакцией формации. Так, человек, попавший в чужую культуру, не может полагаться на свое чтение знаков, чужая знаковая система его не информирует. Если вы турист в стране с чуждой вам культурой, то неспособность читать людей и ту или иную ситуацию может ощущаться, как забавная особенность ситуации в целом. Однако если вы мигрант, т.е. зависите от своего окружения, то отсутствие общей знаковой системы может запустить куда более глубинную бессознательную психодинамику.

Такую же психодинамику запускает обычно групповой конфликт. Ситуация группового конфликта – враждебность, опасность, страх, личные интересы в радикализованной среде, мнения значимых людей, пропаганда и выборочно предоставляемая информация – могут сильно влиять на реакцию влечения сплочения-разделения. Однако, и это особенно важно подчеркнуть, хотя *групповой конфликт может стимулировать определенные душевные механизмы, не сам конфликт определяет сдвиг полярности в душе индивида*. Произойдет ли сдвиг, в принципе, зависит от способности человека регулировать инстинкты вообще, прежде всего, от способности пользоваться сознанием и групповыми эпистемными установками, его сознание поддерживающими. Надо, однако, помнить, что (особенно в условиях группового конфликта) сам сдвиг полярности редко бывает индивидом осознан. И если другая матрица вступает в силу, то автома-

---

⁶ Я считаю необходимым пользоваться всеми тремя парадигмами одновременно, потому что только в совокупности они раскрывают разные аспекты особенностей психодинамики и непосредственного переживания. Только в совокупности они указывают и на возможные варианты проявления биполярного влечения. Необходимо упомянуть, что термин «стабильность объекта» (object constancy) впервые употребил Хейнц Хартман (16).

тически меняется работа многих душевных механизмов — эмоциональных и когнитивных, а эти механизмы, в свою очередь, автоматически меняют многие аспекты душевной жизни и межличностных отношений.

Примером автоматизма может служить сдвиг ментализации. Пока общение происходит в матрице «сплочения», зрелый человек принимает как должное то, что у него нет симбиотического единства с другим, поэтому ему надо прикладывать усилия, постоянно «читать», как другой к нему относится, чтобы вовремя предотвращать сдвиг полярности с позитивной на негативную⁷. Это обычно основано и на реципрокности — вполне оправданной надежде, что другой тоже хочет оставаться в матрице сплочения, что вы друг другу важны, принадлежите одной группе. В момент смены полярности с положительной на отрицательную, эта бессознательная на поддержание хороших взаимоотношений направленная взаимность останавливается. Вместо стремления ее поддерживать, появляется знак вопроса — с кем я, в каких взаимоотношениях, в какой матрице? Если не сплочения, то в каком месте матрицы разделения — этот другой является членом моей группы, или чужой, враждебной? Пока этот вопрос не прояснится, лучше застыть, выждать⁸. Меняется и смысл ментализации. Если в матрице сплочения она служила пониманию другого для поддержания хороших отношений, то теперь надо понять, что другой замышляет, когда и как может напасть, когда и как лучше напасть самому. Знаковой системе тоже нельзя доверять — ведь другой может пользоваться теми же знаками не с целью информировать, а с целью обмануть, воспользоваться, сделать меня жертвой.

Иными словами, сдвиг полярности инстинкта сплочения-разделения характеризуется фундаментальной эмоционально-когнитивной особенностью — Бессознательное (а вслед за ним и Сознание) перестает искать близости с другим человеком. Оно перестает проецировать хорошее, потому что, пользуясь матрицей разделения вместо матрицы сплочения, *уже знает, что «матери» (стремления к взаимопониманию, готовности к реверси) в другом нет, поэтому близость с ним невозможна.*

ПОЛЮС РАЗДЕЛЕНИЯ – ГОРЯЧАЯ И ХОЛОДНАЯ АГРЕССИИ

Дальнейшее развитие психодинамики, по-видимому, определяется тем, в какой именно отрицательной матрице мы окажемся — матрице «горячей агрессии» или «холодной агрессии». Являемся ли мы врагами, однако, членами той же группы, или принадлежим группам враждующим. Именно это должно определиться в состоянии замирания. Выбор делается между двумя агрессиями — «горячей и холодной» (Cikara, 2014; Wrangham, 2017; Belfry, 2021). Если мы принадлежим к одной группе, то, скорее всего, включится «горячая агрессия». Цель ее, образно говоря, заключается в том, чтобы «переубедить» другого, заставить его думать, или, по крайней мере, поступать так, как хочу я,

⁷ В терминах М. Кляйн необходимо предотвращать возможный регресс с депрессивной позиции в параноидную.

⁸ В одной из своих лекций психоаналитик и нейрофизиолог М. Солмс приводит в пример потерявшего птенца, которому, не дозвавшись мать, лучше застыть и не подавать никаких сигналов, чтобы уберечься от хищника.

сделать членом «своей маленькой подгруппы». Конфликт, разумеется, опасен, и страх пострадать в нем оправдан, однако опасность редко бывает смертельной — всегда есть надежда, что вмешается большая группа, к которой мы оба принадлежим и для которой мы оба представляем ценность.

Другое дело, если включается «холодная агрессия». Тогда мы не просто чужие — два человека, неспособные на взаимопонимание, мы враги — добыча друг для друга. Мы не просто *не понимаем* знаковой системы, мы *не должны верить* посылаемым знакам, потому что другой посылает их с целью нас обмануть. Нельзя подавать никаких знаков, нельзя раскрывать свою внутреннюю систему, пока ответ на этот вопрос неясен. Если окажется, что правильный ответ — «враг из чужой группы», то инстинкт сплочения-разделения сменит свою полярность, мы окажемся в матрице «холодной агрессии» и сможем причинять друг другу страдание, не испытывая ни вины, ни стыда — обычные реакции, которыми «Суперэго» регулирует межличностную динамику в матрице сплочения. За пределами этой матрицы то же самое «Суперэго» диктует совсем иное чувственное и моральное отношение — не эмпатизируй, причиняй больше боли. Самая большая беда заключается в том, что в момент смены полярности мы не осознаем ни природы наших чувств, ни силы и скорости их роста⁹. Единственным интроспективным знаком остается «*застывание*» и следующее за ним безразличие.

«Холодную агрессию» стимулирует еще одна психическая угроза — угроза отчуждения собственного «Я». Когда бессознательный проективно-интроективный обмен между мною и людьми вокруг меня прекращается, я не только не нахожу винникоттовскую *мать* там, где ей полагается быть, но в реакциях другого на самого себя, моем образе у него в душе, *перестаю себя узнавать*. Дело не только в том, что другой не читает меня доброжелательно, на что, по собственному разумению, я имею право претендовать, и даже не в том, что он читает меня враждебно — я мог бы стараться понять, как эта враждебность возникает, как можно на нее повлиять. Однако я вообще *не в состоянии понять*, каким образом он меня «читает», как он приходит к тем значениям, которые придает моему поведению, как он меня ментализирует. По финской поговорке «он читает меня, как дьявол священное писание». Но, когда я так начинаю ощущать этого другого, это означает, что и я сам перестаю «читать» его. Положительная, на сплочение направленная ментализация в нашей паре больше не работает, как не работает и более глубокий процесс — проективно-интроективный обмен положительными значениями. Тогда, несмотря на всевозможные рациональные объяснения и сознательные аргументы, в глубине души каждый из нас ощущает себя посторонним, чужим, возможно, врагом.

Это чувство испытал я сам и бесчисленное количество раз наблюдал и обсуждал с другими — пациентами и знакомыми мигрантами. Для мигранта такая ситуация — норма, хотя очень мало кто осознает всю глубину и массивность происходящего. Оказавшись в ней, люди реагируют на такое искажение собственного образа, как на нападение и, защищаясь, начинают нападать сами. Сначала они обычно пытаются как-то «объяснить» себя этим чужим, сделать

⁹ Тот, кто первым осознает, сможет первым нанести удар.

свою матрицу им понятной и понять их матрицу. Это, однако, редко удается, другие понимают умом, но не сердцем. Пока «чужой» или «враг» им говорит, они думают не о том, как лучше его понять через аналогичный собственный опыт, а о том, как можно его оспорить. Отчуждение, потеря надежды на близость означает потерю чувства принадлежности, потерю группы, угрозу депрессии. И вместе с тем страх, потому что потерявший свою группу может оказаться в положении преследуемого меньшинства.

ТЕРРОР – СУТЬ ПРОИСХОДЯЩЕГО

Что именно замораживает ум психоаналитика, почему так трудно осознать это «что-то» в себе? Думаю, потому что в наш век мы очень редко сталкиваемся с похожими чувствами в том их контексте, для которого Эволюция их создала. Если вы не увлекаетесь охотой и не участвуете в драках уличных банд, вы можете испытать основное для этой динамики чувство только в его противоположности – ужасной тревоге при панической атаке. В этом случае, однако, связь между страхом и обстоятельствами, его вызвавшими, обычно бывает не реальной, а символической. Психоаналитику трудно понять охватившие его чувства, потому что весь контекст психоаналитической встречи (в общем – медицинский) слишком далек, по своей сути противоположен обычным для «холодной агрессии» обстоятельствам – погони за жертвой и столкновению враждующих групп. Очень непросто понять, что так называемый терапевтический альянс внезапно сменился на смертельный групповой конфликт, что влечение сплочения-разделения сменило свою полярность с положительной на отрицательную, возможно, сместилось к полюсу «холодной агрессии», и вместо доброжелательной, теперь уже новая матрица взаимоотношения преследователя и жертвы определяет смыслы и чувства происходящего¹⁰.

В принципе, психоанализу смешение противоположных влечений хорошо знакомо. В некоторых ситуациях, на первый взгляд, ничего общего между собой не имеющие чувства могут быть психически взаимосвязаны. Садомазохистская любовь, в которой неосознанное или осознанное половое возбуждение малопонятным постороннему наблюдателю образом превращает страдание в удовольствие. Или конверсивные симптомы, например, истерическая слепота, которая кажется никак не связанной с половым возбуждением. Так же и при смене полярности влечения сплочения-разделения: вне соответствующего контекста весь комплекс чувств остается непонятен и лишен экзистенциальной яркости. Постороннему его трудно соотнести со своими переживаниями и понять рационально. Тем не менее контекст человечеству знаком, и для него придумано особое слово – террор.

¹⁰ Я предпочитаю не пользоваться Кляйнианской парадигмой и терминологией депрессивной и параноидной позицией, потому что в ее основе лежит чувство зависти. Однако и здесь речь, безусловно, идет о параноидальном конфликте. Описанная мною психодинамика не только не противоречит Кляйнианской парадигме, но использует ее. Не упоминая чувство зависти, социальный психолог (он вряд ли читал М. Кляйн) М. Шериф (Sherif, 1956; Sherif, 1958; Sherif, 1961.), ставя свой знаменитый эксперимент «Пещеры Грабителя», исходил именно из этого чувства, потому что предполагал, что вражду групп запускает соперничество за ресурсы. В моем представлении Кляйнианская парадигма – лишь частный случай смены биполярного влечения.

Под террором подразумевается решимость группы истребить другую группу или, по крайней мере, ее дегуманизировать. Психически это означает изменить семантический смысл идентичности другой группы, убрать ее из раздела «человек». Террор в русском и английском языках означает одновременно и страх группы людей, которую другая группа решила уничтожить или сделать себе подвластной, и, одновременно, действия — истребление, унижение, дегуманизация. Такой же страх испытывает преследуемое животное.

КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ – ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛЯРНОСТИ ЭПИСТЕМОФИЛЬНОГО ИНСТИНКТА И МЕНТАЛИЗАЦИИ ПРИ СМЕНЕ ПОЛЯРНОСТИ ВЛЕЧЕНИЯ СПЛОЧЕНИЯ-РАЗДЕЛЕНИЯ

Смену полярности влечения сплочения-разделения с положительной на отрицательную обычно вызывает страх, что группа, к которой человек принадлежит, теряет ресурсы и, в конце концов, может оказаться преследуемой, а возможно, даже объектом террора. В принципе, возможность террора, как формы межгруппового поведения, провоцирует у индивида, на которого террор может быть направлен, сильные чувства страха и тревоги. Динамика разделения групп и внутригрупповая динамика широко исследованы разными науками, а ее бессознательная психодинамика в психоанализе описывалась уже З. Фрейдом (Freud, 1949), а вслед за ним — и многими другими. В этой статье я хочу подчеркнуть лишь некоторые ее моменты, в частности, значение символа.

Символическое различие (одежда, религия и ритуалы, язык, лого группы — звезда Давида, крест, полумесяц, и т.п.) важно, потому что оно обозначает факт существования разных эпистем. Каждая общественная организация (государство, религия, институция, и др.) выбирает себе символ — знак, за которым стоит нарратив, влияющий на чувства и мысли людей. Этот знак, как бы, объявляет собственной и окружающим группам: *«мы такие-то вещи понимаем так и действуем так»*. В этом смысле эпистему можно рассматривать и как конструкцию, направляющую эпистемофильное влечение (Spillius, 1983). Говоря простыми словами, общество всей своей организацией и ресурсами указывает индивиду (правильнее было бы сказать — принуждает индивида), какое значение надо придавать тем или иным вещам (Foucault, 1980). Само существование эпистемы выражает, по-видимому, нашу видовую потребность в разных, соперничающих между собой способах организации знания. Однако внутри группы необходима одинаковая организация, которая создает одинаковую реальность для разделяющих это знание людей и таким образом способствует их коллективному действию. Для постороннего (и это особенно важно в межличностных взаимоотношениях) реальность чуждой эпистемы почти непонятна. Различие в понимании может касаться очень важных принципов, формирующих моральные нормы и поведение — инцест, отношение к жизни и смерти, к детям, отношения между полами, и др. Так человек т.н. «Западной культуры», столкнувшись, например, с многоженством, не может понять всей организации взаимоотношений — экономических, социальных и эмоциональных. Не может понять, чем и как регулируются в семейных и клановых отношениях безопасность, зависимость, ревность, родственные узы и многое другое.

Приведу два простых примера. Молодой человек, которого его семья привезла из Сирии в Финляндию в младенческом возрасте, мне говорит: «Конечно, если бы мы голодали, моя мать пошла бы работать, но моему отцу было бы стыдно перед всем своим родом». Это его заявление вызывает у меня беспокойство за его семью, потому что экономическое устройство семейной жизни в Финляндии обычно предполагает, что семейный бюджет состоит из доходов обоих – мужчины и женщины. «Среднестатистической» финской женщине и ее мужу было бы, скорее всего, стыдно, если бы жена *не* работала.

Приводя нижеописанный пример, я не выступаю за регламентацию одежды или других знаков культурной и религиозной принадлежности, не сравниваю культуры и их символы. Единственное, что я хочу показать, как именно я (лично) автоматически читал культуральную символику еще 10 лет тому назад, когда стал активнее работать с мигрантами. Я читал бурку суданской женщины и ее отказ пожать мне руку в психиатрическом кабинете, а также необходимое присутствие в нем мужчины, как: *«мужчины моего рода боятся, что я могу вызвать у тебя слишком сильное половое возбуждение, которое ты не сможешь сдержать, что вызовет конфликт между нашими родами»*. В то же время, глубокое декольте и мини-юбку финской девушки я читал, как *«я не должна заботиться о твоих половых чувствах, ты должен уметь держать их в узде, пока не получишь моего согласия»*.

Я хочу подчеркнуть простой факт, что в случае столкновения культур и эпистем уже сами матрицы трансмутации β -элементов в α могут сильно отличаться и направлять мысль к значениям, насыщенным ценностной ориентацией. Эта (по видимости, культурально-когнитивная проблема) на самом деле является предпосылкой для паранойи: динамика эпистемофильного инстинкта перестает поддерживать динамику *сплочения* и облегчает смену полярности на *разделение*. Эпистема вместо того, чтобы объединять, начинает разделять наше мировосприятие, что затрудняет эмпатию, ментализацию и коллективное действие.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Потребовался гений Фрейда, чтобы понять, что, несмотря на то, что редкий человек ненавидит и убивает своего отца, Эдипов комплекс является одной из важнейших сил в социальной динамике – в человеческих взаимоотношениях, политике и истории общества. Точно так же, я убежден в том (несмотря на то, что наш профессиональный тренинг учит нас видеть бессознательные мотивы), что требуется интеллектуальная смелость, чтобы связать социальные последствия влечения сплочения-разделения с личными переживаниями. Действительно, связь между мимолетным чувством замирания в психоаналитической сессии или компании знакомых с жестокими геноцидными злодеяниями может показаться слишком надуманной. Однако теперь уже, к сожалению, ежедневные клинические наблюдения являются доказательством, потому что в моей практике они стали обычными из-за военных действий, происходящих в мире.

Литература / References

- Bion W.R.* Learning from Experience. – London: Heinemann; New York: Basic Books. – 1962.
- Bion W.R.* The Psycho-Analytic Study of Thinking // International Journal of Psychoanalysis. – 1962. – Vol. 43. – P. 306-310.
- Bion W.R.* Transformations: Change from learning to growth / Bion W.R. – London, Heinemann. – 1965.
- Bion W.R.* Two Papers ‘The Grid’ and ‘Caesura’ / Bion W.R. – London, Routledge. – 1977. – 64 p. – doi: 10.4324/9780429484421
- Cikara M, Van Bavel JJ.* The Neuroscience of Intergroup Relations: An Integrative Review / Cikara M, Van Bavel JJ. // Perspect Psychol Sci. – 2014. – doi:10.1177/1745691614527464.
- Contreras-Huerta LS, Baker KS, Reynolds KJ, Batalha L, Cunnington R.* Racial Bias in Neural Empathic Responses to Pain // PLoS ONE. – 2013. – 8(12): e84001. – doi:10.1371/journal.pone.0084001
- Crittenden, P. M., DiLalla, D.* Compulsive compliance: The development of an inhibitory coping strategy in infancy // Journal of Abnormal Child Psychology. – 1988. – Vol. 16. – No. 5. – P. 585-599.
- Foucault M.* The Order of Things, an Archaeology of the Human Sciences / Foucault M. – Science and Society. – 1970.
- Foucault, M.* Power/Knowledge. In C. Gordon (Ed.), Selected Essays and Other Writings / Foucault, M. – Brighton, Harvester Press. – 1980. – 197 p.
- Freud S.* Group Psychology and the Analysis of the Ego. The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud / Freud S. – London, The Hogarth Press. – 1949. – 134 p.
- Hartmann, H.* (1952), The mutual influences in the development of ego and id. In: Essays on Ego Psychology. – New York: International Universities Press. – 1964. – P. 155–182.
- Klein M.* Notes on some schizoid mechanisms // International Journal of Psychoanalysis. – 1946.
- Klein M.* Some theoretical conclusions regarding the emotional life of the infant. Envy and gratitude and other works 1946-1963. – Hogarth Press and the Institute of Psycho-Analysis (published 1975). – 1952. ISBN 978-0-02-918440-0.
- Mahler M.S.* Thoughts about Development and Individuation. The Psychoanalytic Study of the / Child Mahler M.S. – New York, International Universities Press. – 1963. – Vol. 18. – No. 1. – P. 307-324.
- Panksepp J., Panksepp J.B.* Toward a cross-species understanding of empathy / Panksepp J., Panksepp J.B. – PubMed. – 2013. – P. 489-496. – doi:10.1016/j.tins.2013.04.009
- Rifat M.* Homo Semioticus. / Rifat M. – İstanbul, Yapı Kredi Yayınlar. – 1993. – 160 p.
- Solms M., Turnbull O.* The brain and the inner world // New York: International Universities Press. – 2002. – 124 p.

- Sherif M.* Uperordinate goals in reducing intergroup conflict // *American Journal of Sociology*. – 1958. – С. 349-356.
- Sherif M., Kharvey O.Dzh., Vayt B.Dzh., Khud V.R., Sherif K.V.* Intergroup Conflict and Cooperation: The Robber's Cave Experiment // Norman, Oklahoma: Norman, University Book Exchange. – V. 10. – 1954/1961.
- Spillius E. B.* Some developments from the work of Melanie Klein / *The International Journal of Psychoanalysis*, 1983. – Vol.64. – No 3. – P. 321–332.
- Spillius E., O'Shaughnessy E.* Projective Identification - The Fate of a Concept / Spillius E., O'Shaughnessy E. – London, Routledge. – 2011. – 432 p. – doi:10.4324/9780203157220
- Varnum M., Blais C., Ryan S., Hampton R., Brewer G.* Social class affects neural empathic responses / Varnum M., Blais C., Ryan S., Hampton R., Brewer G. // *Culture and Brain*, 2015. – Vol. 3. – P. 122–130.
- Wertz F.J., Olbert C.M.* The Convergence of Freud's Psychoanalysis and Husserl's Phenomenology on a Research Approach for Human Phenomena / Wertz F.J., Olbert C.M. // *Journal of Phenomenological Psychology*. – 1993. – doi:10.1163/156916293X00099
- Winnicott D.W.* The Maturational Processes and the Facilitating Environment: Studies in the Theory of Emotional Development / Winnicott D.W. – International Universities Press. – 1965. – 296 p.
- Wrangham R.W.* Two types of aggression in human evolution. / Wrangham R.W. – Salt Lake City, University of Utah. – 2017. – P. 245-253. – doi.org/10.1073/pnas.1713611115

Информация об авторе

Коварскис Лявас, доктор медицины, врач-психиатр, супервизор, член Международной психоаналитической ассоциации (ИПА), Финская психоаналитическая ассоциация, Хельсинки, Финляндия; научный руководитель факультета психоанализа и почетный профессор, Московский институт психоанализа, Москва, Россия, e-mail: leo.kovarskis@gmail.com

Information about the author

Levas Kovarskis, M. D., Psychiatrist, Supervisor, Member of the International Psychoanalytic Association (IPA), Finnish Psychoanalytic Association, Helsinki, Finland; Scientific Director of the Faculty of Psychoanalysis and Professor Emeritus, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia, e-mail: leo.kovarskis@gmail.com

Получена: 21.02.2024

Принята в печать: 01.03.2024

Received: 21.02.2024

Accepted: 01.03.2024